

В. Я. БРЮСОВ В ПЯТИГОРСКЕ

Брюсов поэт и мыслитель формировался в мрачную эпоху политического и духовного застоя, который был характерен для общественной и культурной жизни России «конца века». Эта обстановка, плюс оторванность Брюсова от прогрессивных сил своего времени, сытый индивидуализм буржуазно-мещанского окружения с его болезненной эротикой и пессимизмом, наконец, влияние поэтов «чистого искусства» и увлечение творчеством французских модернистов определили эстетическое кредо молодого поэта. В начале 90-х годов Брюсов делает решающий выбор, объявляет себя «символистом» и становится активным пропагандистом «новой» поэзии. В эти дни Брюсов был убежден, что символизм — действительно то новое, что гальванизирует одряхлевшую поэзию безвременья и отразит в ней противоречивые настроения человека, стоящего на рубеже нового века. Жизнь очень скоро подвергла суровой критике концепцию поэта и показала творческую несостоятельность декадентства.

Брюсов-декадент впервые заявляет о себе в сборниках «Русские символисты» (1894—1895), в которых он поместил целый ряд типично декадентских стихотворений. В еще большей степени это относится к сборникам стихов «Chefs d'oeuvre» и «Me eum esse», которые последовали за «Русскими символистами». В них Брюсов декларирует разрыв с действительностью и людьми, отрекается от социальной тематики, демонстративно замыкается в индивидуалистическом мире субъективных настроений. Природе и ее совершенной красоте он противопоставляет какой-то искусственный, созданный воображением художника идеал. Кстати, вспоминая о «грехах молодости», Брюсов писал: «Читая приторные описания девственных американских лесов (у Шатобриана. — В. Д.), я повторял сам себе: вот и Америка, как Кавказ, ничтожны перед красотой большого города, а тем более видениями фантазии». ¹ Эмоциональный тон стихов минорный, в них преобладают мотивы одиночества, обреченности,

отвращения к жизни, продажной любви. Но при всем этом Брюсов отказывается видеть в символизме рупор мистики и метафизики.

С особой силой декадентский эгоцентризм молодого Брюсова проявляется в сборнике «Me eum esse» («Это— я»), история создания которого тесно связана с пребыванием поэта на Кавказе.

В конце июня 1896 года Брюсов через Новороссийск приехал из Крыма на Кавказские Минеральные Воды. Остановился он в Пятигорске на Теплосерной улице в доме Савельева.

Чудесная природа Пятигорья сразу же пленила Брюсова своей неповторимой красотой и тонким поэтическим обаянием. Он искренне восхищался белоснежным величием Эльбруса и панорамой Кавказских гор, жемчужным клинком рассекающей утреннюю голубизну воздуха. Отсюда, из Пятигорска, молодой ищущий поэт, «твердя стихи Пушкина», взбирался на Машук и Бештау, отсюда Брюсов навещал в Кисловодск и другие курорты группы. По собственному признанию поэта, он исходил все «балки» под Кисловодском, вспоминая стихи «Демона» и прозу «Героя нашего времени», и встречал восход солнца на Бермамыте.

Совершенно иную реакцию вызывает Кавказ у Брюсова-поэта. Верный своим эстетическим принципам, он упорно заставляет себя видеть несовершенство природы по сравнению с городом или вымыслом художника, он намеренно насилует себя и демонстративно не желает принимать красоту жизни, пытается развенчать ее.

Еще до приезда в Пятигорск в Ореанде (Крым) Брюсов пишет строфы, в которых эта концепция противопоставления идеального (с точки зрения поэта-декадента) реальному, земному выражена очень ясно:

Четкие линии гор;
Бледно-неверное море...
Гаснет восторженный взор,
Тонет в бессильном просторе.
Создал я в тайных мечтах
Мир идеальной природы, —

Что перед ним этот прах:²

Степи, и скалы, и воды.

Первоначальный вариант этих стихов Брюсов берет в качестве эпиграфа и к письму, которое он отправляет из Пятигорска П. П. Перцеву. Перелагая их на язык прозы, Брюсов пишет: «Клянусь Вам, уважаемый Петр Петрович, я бесконечно разочарован. Уже не говорю о громких именах — Машук, Бештау, которые оказались прозвищами маленьких холмиков, но и все, вообще все!.. Я смотрел и напрасно искал в себе восхищения. Самый второстепенный художник, если бы ему дали, вместо холста и красок, настоящие камни, воду, зелень, — создал бы в тысячу раз величественнее, прекраснее. Мне обидно за природу»³.

Был ли искренен Брюсов в этой оценке? Безусловно, да, если принимать во внимание горячее стремление поэта следовать своим эстетическим нормам, и, конечно, нет, если говорить о его живой человеческой реакции на окружающий мир. Впоследствии и сам Брюсов не отрицал этого противоречия. «Если это не было неправдой, то и не совсем было правдой, — писал он, — так я хотел чувствовать, но, на самом деле, «бессилие» (перед мечтой) природы — пленяло в тайне очи».

Декадентское «неприятие природы» не приняло у Брюсова сколько-нибудь затяжного характера. Он довольно быстро избавился от этой искусственно вызванной болезни. Вспоминая о посещении Крыма летом 1898 года, Брюсов писал: «Мое пренебрежение к природе с меня, как сказали бы люди положительные, «со-скочило», и я уже не мешал своим глазам радоваться пестроте далей, расстилаемых горных склонов»⁴.

Лето, проведенное в Пятигорске, было для Брюсова временем большой творческой работы. В письме Е. И. Павловской, вспоминая об этом, Брюсов называл дни, проведенные в кавказских городах, «лучшими днями, которые не повторятся». И, действительно, здесь, у подножия Машука и в Кисловодске, Брюсов написал ряд стихотворений, которые впоследствии он включил в сборник «Me eum esse». Среди них: «Юному поэту», «Сквозь туман

таинственный», «Побледневшие звезды дрожали», «Мы бродили вдвоем и печальны» (в Пятигорске), «Ангел бледный», «Я помню вечер, бледно-скромный» (в Кисловодске) и др.

Интересна творческая история стихотворения «Юному поэту», которое приобрело славу поэтической декларации индивидуалистического искусства. Случай свел Брюсова с гимназистом и начинающим поэтом Александром Браиловским, родители которого лечились в Пятигорске. 10 июля 1896 года Брюсов отмечает это знакомство в своем дневнике: «...только что познакомился с юным поэтом, Александром Браиловским..., знавшим меня по рецензиям. Он провел у меня весь вечер. Конечно, я победил большинство предубеждений, которые были у него против меня»⁵. Составителя «Русских символистов» заинтересовал этот влюбленный в поэзию, начитанный и не по годам развитый мальчик. Встречи с ним продолжались, и 13 июля в письме к А. А. Лангу (Миропольскому) Брюсов дает тронутую теплой иронией характеристику своего юного оппонента по литературным спорам: «Я поймал здесь маленького поэта (ему 13 лет) — Александра Браиловского; по общественному положению — гимназист, по внешнему виду — старообразный мальчик с красивыми зубами и блестящими глазами, по убеждениям — демократ и враг символизма, как и подобает в 13 лет. Мы с ним проводим целые дни»⁶. Несколько позже Брюсов сообщает Лангу, что он посвятил Браиловскому стансы «Юноша бледный со взором горящим». Интересно, что в стихотворении Брюсов почти полностью повторяет портретную характеристику «юного поэта», которую он дал в письме к А. А. Лангу.

Вряд ли Брюсов вполне серьезно относился к своей полемике с чересчур юным поэтом, однако именно она натолкнула его на мысль оформить свое кредо в стихах. Осуществляя ее, Брюсов и пишет стансы «Юному поэту», в которых, как бы подытоживая спор с Браиловским, высказывает свою точку зрения на поэта и поэзию, которую он разделял в эти дни. Не

случайно они открывают первое издание сборника «*Me eum esse*», составление и редактирование которого Брюсов завершил в Пятигорске.

Сборник интересен в ряде отношений: во-первых, как яркое подтверждение индивидуализма и ущербности декадентской поэзии, во-вторых, что более важно, как проявление новаторского характера таланта Брюсова в области стихосложения. Брюсов смело экспериментирует со стихом, множит и разнообразит строфику, отходит от общепринятых размеров, рифмует (что считалось невозможным) мужские рифмы с женскими, широко использует вместо рифмы ассонанс и т. д. Эта работа, начатая в дни молодые, продолжалась Брюсовым до конца дней и во многом обогатила русскую поэзию.

В предисловии к сборнику, датированном «23 июля 1896 года. Пятигорск», Брюсов писал: «Я издаю книгу далеко не оконченную, в которой некоторые отделы только намечены, — потому что не знаю, когда буду в состоянии продолжать ее: может, завтра, может быть, через много лет. Мне кажется, однако, что в отрывках, уже написанных, достаточно ясно выступает характер моей новой поэзии. Если мне и не суждено будет продолжать начатое, эти намеки подскажут остальное моему другу. Приветствую его»⁷.

Это «не знаю, когда буду в состоянии продолжать ее» — одно из первых свидетельств того, что Брюсов начинает понимать, хотя и не признается в этом открыто, что отрыв от жизни, в большом историческом значении этого слова, и декадентский эгоцентризм ведут к неизбежному творческому застою.

Брюсов был страстным книголюбом, который не мыслил себя без книги даже в дни отдыха. Он отлично знал античную и многие европейские литературы, но, по собственному признанию, имел весьма скромное представление о русской классике. Стремление восполнить этот пробел, находящееся, видимо, в тесной связи с ощущением кризисности декадентства, обращает молодого поэта к серьезному и обстоятельному изучению

русской классической литературы.

В Пятигорске была прекрасная для провинциального города публичная библиотека, и Брюсов сразу же сделался одним из активных ее посетителей. «Маленькое утешение нашел я в том, что здесь есть библиотека, — писал он П. П. Перцеву, — следовательно, я не отстану от века. Красные, желтые, зеленоватые, рыжие обертки журналов — разве Вы их не любите!»⁸ Но не только периодические издания составляли круг чтения Брюсова в Пятигорске, он серьезно занимается изучением русской литературы. Творчество великих реалистов становится предметом глубоких размышлений поэта. Читает Брюсов очень внимательно, стремится пылливо проникнуть в самую суть таланта писателя, делает меткие сопоставления и выводы. Все это нашло яркое отражение в пятигорских страницах дневника поэта. Так, например, 31 июля 1896 года Брюсов делает заметку, в которой дает очень острые характеристики Тургенева, Толстого и Достоевского: «Читал Толстого. Вот соотношение трех эпигонов гоголевской прозы. Тургенев рисует внешность, Достоевский анализирует больную душу, Толстой — здоровую. Эх, ежели бы из трех да одного!»⁹ 9 августа он вновь возвращается к этому вопросу: «...Тургенев описывает лиц, какие жили в его время; чутьем поэтическим он угадывает, что такой-то сказал бы или сделал в таком-то положении, угадывает — души их не знает. Толстой знает душу обыкновенных людей, смело говорит (то), что всякий знает, но сказать не смеет, что таится на душе у всякого. Достоевский знает душу исключительных людей...»⁹

Пребывание Брюсова в Пятигорске — одна из интересных многочисленных страниц большой и сложной биографии поэта, который прошел тернистый путь от символизма до вступления в ряды РКП(б).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Брюсов В. Детские и юношеские воспоминания. «Новый мир», 1926, кн. 12, стр. 118.

²Брюсов В. Стихотворения и поэмы. Сов. Писатель, Л., 1961, стр. 100.

³Письма В. Я. Брюсова к Л. П.

Перцеву, ГАХН, М., 1927, стр. 77.

⁴См. Брюсов В. Детские и юношеские воспоминания. «Новый мир». .1926, кн. 12, стр. 118 и 120.

⁵ Брюсов В, Дневники, 1891-1910, М., 1927, стр. 24.

⁶ Там же, стр. 154.

⁷Брюсов В. «Me eum esse», М., 1897, стр. 7.

⁸Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцеву.ГАХН, М., 1927, стр. 77.

⁹Брюсов В. Дневники. 1891—1910, М., 1927,стр. 25.

Вл. Дронов